

ФЕДОР ФИЛИППОВИЧ ЛАРИОНОВ В ПИСЬМАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

Письма и воспоминания, предлагаемые читателю, освещают жизнь Федора Филипповича Ларионова — талантливого педагога, преподававшего в 1930-е гг. естественно-научные дисциплины в Тюменском педагогическом институте.

Ф. Ф. Ларионов родился в 1876 г. в с. Каргат Томской губернии в крестьянской семье. После обучения в уездном училище окончил Омскую учительскую семинарию. С 1897 по 1914 г. служил учителем, затем инспектором городского училища в Березове, позднее заведовал вторым высшим начальным училищем в Тюмени, работал губернским инструктором школ национальных меньшинств севера Тюменской губернии. В 1932–1940 гг. работал в Тюменском государственном педагогическом институте преподавателем биологии, являлся одним из основателей зоологического музея вуза.

Материалы, публикуемые в сборнике, являются частью «Семейной хроники». Она создавалась Федором Филипповичем и его супругой Марией Андреевной Ларионовыми на протяжении многих лет и состоит из трех томов, последний из которых был подготовлен уже после смерти Ф. Ф. Ларионова его женой. Большая часть «Хроники», относящаяся к жизни семьи Ларионовых на Крайнем Севере, была опубликована в нескольких научно-популярных изданиях. Раздел о жизни семьи Ларионовых в Тюмени публикуется впервые.

Авторами материалов являются Валентин Ильич Жуйков — ученик Ф. Ф. Ларионова по Тюменскому пединституту, Павел Сергеевич Прокофьев — преподаватель истории и заведующий педрабфаком Тюменского пединститута и его жена Мария Дмитриевна, Наталья

Петровна Загорская — выпускница Тюменского педагогического техникума.

Письма и воспоминания для публикации были предоставлены Березовским районным краеведческим музеем по просьбе директора Музейного объединения ТюмГУ А. Н. Животовой, которым редколлегия выражает искреннюю признательность. К сожалению, в фондах музея хранится неполный вариант третьего тома. Однако даже имеющийся текст дает нам представление об огромном культурном значении личности Учителя того времени и, в частности, личности талантливого педагога и исследователя Федора Филипповича Ларионова, а также истории Тюменского педагогического института в далекие 30-е гг. XX в.

К печати материалы подготовили А. Н. Животова и профессор В. М. Кружинов.

**Письмо В. И. Жуйкова М. А. Ларионовой.
13 июня 1952 г.**

Многоуважаемая Мария Андреевна!

Сегодня получил Ваше полное скорби письмо, в котором Вы сообщаете о преждевременной смерти дорогого мне Федора Филипповича. Меня это сообщение поразило как молния, и мне не верится, что Федора Филипповича уже нет в живых. Несмотря на то что Федор Филиппович с Вами был далеко от меня, он всегда был примером мне, и в минуту малодушия я смотрел на его фотографию, вспоминал, с какой настойчивостью он преодолевал трудности, как он упорно изучал язык, и, вдохновившись, садился снова и достигал поставленной цели. Но вот у меня появилась дочь, а за нею заболела жена туберкулезом, затем заболела дочь. Преодоление этих трудностей как-то замкнуло меня вокруг своего очага, и я потерял с Вами связь. Но это не оправдание, ведь мог я найти время и поддержать завязавшуюся связь! Поэтому я тройне наказан.

Потерянного не вернуть. Неизмеримо тяжело горе Ваше, дорогая Мария Андреевна, и я полностью разделяю Вашу скорбь. Помню, как сейчас, когда вы ездили в Москву или Ленинград (точно не знаю), Федор Филиппович спутал дни (в то время была шестидневная не-

деля и выходные дни не совпадали с воскресеньем) и, ожидая от Вас телеграмму из Москвы, опоздал на работу на 5–10 минут. «Единственный раз я опоздал на работу, — сказал он, — ждал от Марши Андреевны телеграмму. Сегодня ведь вторник, а я почему-то думал, понедельник, т. к. вчера был выходной день. Уехала Мария Андреевна, и в доме стало пусто, чего-то не хватает, ведь знаю, что она уехала, а все жду... а тут еще телеграммы нет... Ждал, ждал и увидел в календаре, что сегодня не среда, а вторник».

Как он расстроился, когда пришел в институт и увидел, что я начал определение бабочек не с крапивницы, а с различных видов. Тотчас же собрал всех бабочек и роздал всем крапивницу, начали определять все вместе, и Федор Филиппович только сетовал, что так напрасно потерял 10 минут, что за это время можно определить было на одну бабочку больше.

Утешьте себя, Мария Андреевна, и тем, что у Федора Филипповича осталось много учеников, которые явно или не явно следуют его примеру в работе и в жизни. Ведь Вы, Мария Андреевна, с Федором Филипповичем были идеальной парой в семейной жизни. С вас ведь многие брали пример и многие, наверное, живут так дружно, как жили вы.

Он во всех своих учеников вложил часть своей энергии, опыта, навыков, знаний, которые передаются ими другим поколениям, и имя его всегда вспоминается на уроках биологии, на экскурсиях, при обработке коллекционного материала, при определении насекомых.

Кроме того, Вы ведь не так уж одиноки, у Вас живы оба сына, есть внук, которого Вы можете видеть и с которым Вы можете поговорить. А вот моя мама, тоже Мария Андреевна, потеряла двух сыновей и сейчас живет одна с папой, к ним я один (из 5 человек) приезжаю иногда в гости. Думаю, что скоро с ними буду жить вместе.

Вы пишете большое и нужное произведение, и я уверен, что если оно выйдет в свет, то найдет себе первое место на книжной полке каждой семьи. Я от всей души Вам желаю закончить этот труд. Я могу, конечно, написать воспоминания о Федоре Филипповиче, как

он проводил экскурсии, как подготавливал материал для лабораторных работ, каким образом пополнял кабинет наглядными пособиями.

Но мне никогда не приходилось писать статьи и заметки, поэтому без редакции они помещены быть не могут.

Напишите мне, Мария Андреевна, какие вопросы Вас интересуют, какие детали мог бы я Вам уточнить или дополнить. Пишите мне на этот же адрес.

Желаю Вам здоровья на долгие годы.

Уважающий Вас Валентин Жуйков.

Письмо В. И. Жуйкова М. А. Ларионовой.

2 октября 1952 г.

Многоуважаемая Мария Андреевна!

Как быстро пролетело три месяца с момента получения мною последнего Вашего письма, в котором были фотографии незабвенного Федора Филипповича.

Я помню, что Вам ответил перед поездкой в экспедицию. Условия работы в экспедиции были не из легких, все время в поле, и вот только сейчас, после двухнедельного пребывания в городе я смог выбрать время спокойно написать письмо.

Приехав из экспедиции, я сразу включился в академическую работу на 30 учебных часов, а тут, как Вам известно, составление планов и прочие работы поглотили и эти две недели.

Предпоследнее Ваше письмо меня очень огорчает, тем, что Вы плохо себя чувствуете и не хотите даже лечиться в больнице, спешите скорее занять место рядом с Федором Филипповичем, но мне кажется, спешить все-таки не стоит, т. к. наша жизнь на земле и без того коротка по сравнению с вечностью. Кроме того, нужно все-таки закончить начатый Вами труд, ведь это дело начал, наверное, еще Федор Филиппович, и нужно его закончить, чтобы о нем осталась память для грядущих поколений, а этот труд будет весьма полезным и необходимым в работе любого учителя и в жизни любой семьи.

Сиюю, пишу эти строки и смотрю на фотографию Федора Филипповича, которую Вы прислали мне. Мне кажется, он несколько

не изменился, только черты лица стали более строгими. Те же усы, те же брови, волосы, очевидно поседевшие от перенесенных в последнее десятилетие жизни невзгод. И цветы, кругом цветы, которые так любил Федор Филиппович. Помню, как сейчас, когда мы чествовали 40-летие педагогической деятельности Федора Филипповича, когда ему было преподнесено много букетов цветов, он их все унес домой, расставил в банки и держал их, пока они полностью не завяли, а когда цветы обкрошились, он их не выбросил, а оставил и принес в лабораторию банки с растворами, в которых развились прекрасные культуры дафний и циклопов. И эти культуры были использованы на лабораторных занятиях студентов. Такой обмен мог сделать только уважаемый всеми Федор Филиппович. Это был наглядный урок нам, будущим учителям, как можно показать, что дафнии и циклопы могут переходить в состояние покоя, как могут они быть перенесены в новые условия и вновь появиться в неожиданных местах.

А как он любил лес, птиц и животных. Он никогда не убивал птицу или зверька, если он его не сможет отпрепарировать или использовать для иллюстраций. Помню, мы ходили на экскурсию целым курсом на кладбище, за Тюменкой. Некий студент Артемьев Семен подстрелил из духового ружья дятла большого пестрого и окровавленную, но живую птицу принес Федору Филипповичу. Федор Филиппович спросил:

— Зачем Вы подстрелили птицу?

— А так, вот из этого ружья!

— А что Вы хотите делать с этой птицей?

— Ничего, я принес ее Вам.

Тогда Федор Филиппович, собрав всех студентов вокруг себя, попросил Семена показать всем птицу. Семен поднял окровавленную, кричащую птицу над головой, по его руке текла кровь птицы... и Федор Филиппович хорошо отругал Семена, на этом примере всем показал, что экскурсию нужно проводить целенаправленно. Если намечено поймать или убить какое-то количество животных, то это количество должно быть ограничено, и затем все животные

должны быть заколлекционированы. И сейчас, когда я вижу его в гробу, среди цветов, и его могилку на кладбище, то невольно вспоминаю дни, когда я с ним их проводил во время учебы и во время работы. Дорогая Мария Андреевна, простите меня за столь длительное молчание. Конечно, я виноват, не писал Вам так долго, открыточку черкнуть ведь мог бы найти время. И нет оправдания мне.

Буду писать чаще. Сейчас я уже в Свердловске. Начну писать свои воспоминания. Спасибо за фотографии, после получения ответа пошлю Вам свою.

Поправляйтесь, не болейте, пишите. Уважающий Вас В. Жуйков.

**Письмо В. И. Жуйкова М. А. Ларионовой.
18 ноября 1952 г.**

Многоуважаемая Мария Андреевна!

10 числа сего месяца получил от Вас письмо и несказанно рад, что Вы здоровы и продолжаете работать над своим трудом. Читая Ваше письмо, я поражаюсь Вашей неутомимой энергии. Ведь нужно сделать такую работу, как написать 500 страниц. Успеть следить за всеми журналами, не отстать от жизни. В этом Вы неразделимы с дорогим Федором Филипповичем. Он так же неутомимо работал до последних дней своей жизни и, наверное, был всегда жизнерадостен. Я его вспоминаю всегда как строгого, выдержанного педагога, но не лишеного жизненного задора, юмора и иногда способного рассказать такую шутку, от которой все присутствующие покатывались со смеху. Горе какому-либо сотруднику было попасть на его острый язык.

Так и Вы, Мария Андреевна, тоже неутомимый труженик и по сей день являетесь примером для молодого поколения, как нужно жить и трудиться. После того как я стал с Вами переписываться, я стал работать много больше, ибо Вы своим примером воодушевляете меня, да и всегда напоминаете о Федоре Филипповиче, который в 60 лет смог успешно закончить, изучить и пользоваться легко английским языком, а стало быть, и я могу еще работать с большей энергией. Правда, после болезни я до сих пор не могу как следует

оправиться, хотя у меня уже все зарубцевалось, но сердце что-то пошаливает, утомляюсь быстро. Но это общее явление сейчас, работа, учеба и вновь работа. Все это требует много энергии.

Среди березовских учеников, как это поэтично и приятно видеть. На этой фотографии он молод и здоров, и что бросается в глаза — скромен и в одежде и во взгляде. Скромность — это было его золотое свойство.

Он не старался показать, что он может схватить с неба звезды, а спокойным упорным трудом увлекал за собой и других и делал большое благородное дело, воспитывая других своим примером. Ведь как сейчас помню 1935/36 учебный год. На нашем факультете сменили программу. Факультет из химического превратился в естественный, что повлекло за собой включение в программу зоологии, ботаники, биологии, анатомии и т. п. естественных дисциплин. «Химиков» стали «переделять» в «биологов»; конечно, не легкая задача 35 человек «переделать», изменить их отношение к некоторым естественным дисциплинам. И должен сказать, нелегко досталось это Федору Филипповичу. Студенты у нас на курсе были отчаянные, что стоил один Семен Артемьев, да его братец Вася, которые хотя и не имели особого авторитета, но тянули за собой довольно много «недовольных» новыми дисциплинами. И тем не менее Федор Филиппович сумел увлечь своими лекциями по общей биологии и по зоологии беспозвоночных большинство студентов курса и воспитать из них активных биологов. Скромность в поведении и простота изложения материала сделали свое дело. Он любил свой предмет и сумел заставить полюбить его и студентов. И начиная уже со второго полугодия, я проникся уважением к предмету, читаемому Федором Филипповичем, и если бы война не прервала моей работы, очевидно, работал бы и по сей день.

Начал я работу по зоологии с экскурсии, где мы убивали птиц и, аккуратно упаковав их, приносили в институт, препарировали и складывали в шкаф. Федор Филиппович обратился с просьбой, если возможно собирать паразитов энтофауны. Эта работа была не тяжелой, и я первый с удовольствием собирал и отдавал их. Чтобы

вызвать интерес, Федор Филиппович на одной из лекций упомянул, что среди насекомых особым разнообразием по красоте окраски и форме отличаются пухоеды, пероеды и власоеды. Все — паразиты птиц. «И если для слушателей не трудно, то я прошу пойманных эктопаразитов на домашних или диких птицах передавать мне с тем, чтобы из этих насекомых можно было сделать тотальные препараты и сделать их достоянием зоокабинета, как наглядное пособие». Благородная цель — и естественно, она тогда нашла поддержку среди студентов. У нас был организован орнитологический кружок под руководством преподавателя зоологии позвоночных Шаронова А. Д. Члены кружка доставляли животных и птиц. И часть эктопаразитов так или иначе поступала к Федору Филипповичу, потому что как только приходили экскурсанты в Институт, так Федор Филиппович уже бывал там и любезно предлагал пробирочки или чашечки для паразитов. Постепенно паразиты стали накапливаться. Их нужно было привести в «удобоваримое состояние», т. е. приготовить из них тотальные препараты. Приготовление тотальных препаратов дело трудоемкое, требующее, кроме навыков, терпения. Эту работу и предложил мне уважаемый и незабвенный Федор Филиппович. Не сразу стали получаться у меня хорошие результаты. Часто препараты получались либо серые, либо черные, либо прозрачные, без единой ножки, так как во время обработки ножки обламывались. И только благодаря поддержке Федора Филипповича я не бросил этой работы. Наконец я овладел техникой изготовления и обработки препаратов и произвел довольно большое количество препаратов. Жаль, конечно, что все препараты погибли, но что же сделаешь, ничем не поможешь. А какие прекрасные препараты были. Если у Федора Филипповича остались рукописи, то их нужно поместить либо в журнал, либо издать отдельной брошюрой, это проще всего продвинуть Вячеславу Федоровичу. Я сейчас занимаюсь и работаю в области химии и с биологией давно не имею связи, и помочь в этом отношении не могу.

По пути скажу в отношении статьи «О некоторых паразитах домашних животных». Эта статья констатировала не только

видовой состав фауны домашних животных, но также отражала бесхозяйственность руководителей фермы. Поэтому ее, наверное, и не поместили в журнал в то время, а куда-нибудь заслали и утеряли, наконец. В этой статье должен быть дан весь видовой состав фауны на животных с. Воронино. А с содержанием статьи я не знаком, поэтому и не могу сказать что-либо определенное.

Уходя в отпуск, Федор Филиппович оставлял полный перечень животных объектов, которые нужно было заготовить на зиму, с указанием дат и сроков, в течение которых нужно заготовить дафний, циклопов, гидр, лягушек, черных тараканов, эвглек и вольфоксов, улиток и раков, какое количество их, где и как хранить (в отдельных случаях). Осенью, перед началом учебного года или в начале сентября, Федор Филиппович обязательно бывал на всех интересующих его водоемах, т. к. и в осеннее время он включал в занятия проведение экскурсий.

А зимой он, как и летом, не пропускал ни одного выходного дня, чтобы не сходить в лес, в поле, на экскурсию. Помню раз зимой мы ушли за Парфенову на куропаток без неизменного спутника, Марии Андреевны, за что потом каялись; увлекшись природой, ушли в поле, сошли с дороги и километров пять шли вброд по снегу, почти по колено. Насилу добрались до дому. Но я подивился тому охотничьему задору, с которым Федор Филиппович таскал меня от колка к колку, от поляны к поляне до тех пор, пока мы не увидели, что зашли очень далеко, обратно возвращаться дальше, чем идти вперед вброд.

Жаль только одного: не пришлось больше с ним поработать — война разлучила. Но память о нем остается всегда свежа и ясна.

Мария Андреевна, не беспокойте Леонида Федоровича, у него и так работы много. Это я попросил Вас постольку, поскольку возможно. А беспокоить занятого человека я не имел в виду и Вы сами не беспокойтесь. Я убедился только в одном. Лучшее лекарство для организма — спокойствие, нормальный сон и хорошая пища, и все болезни как рукой снимет. Статью о «Голубях» я читал и видел, но, будучи любителем их, не мог дать какого-либо отзыва, а вот «Мечты биолога» я понял — хорошие мечты. А т. к. инкубаторные куры несутся и зимой, и летом,

то может быть, инкубаторные утки будут размножаться и на севере, и на юге — вот это было бы действительно хорошо.

Журнальные статьи перепечатывать не надо, не беспокойтесь. Главное, сберегите себя.

На этом пока закончу. Еще раз прошу извинения за мое молчание. Желаю Вам здоровья. С приветом В. Жуйков.

Р. С. Хотя и с месячным опережением, но разрешите поздравить Вас с новым 1953 годом и пожелать Вам здоровья и долгой жизни.

Письмо В. И. Жуйкова М. А. Ларионовой.

27 января 1953 г.

Многоуважаемая Мария Андреевна!

По целому ряду объективных причин не смог Вам ответить на письма от 6.12 и 30.12.1952 г. Прошло уже полтора месяца. Чрезвычайно длинный срок, но при всем желании не мог выбрать времени, чтобы, собрав мысли, написать Вам ответ. Уезжая на новый год к дочери, я попросил сослуживца послать Вам поздравительную телеграмму, но он не сделал этого, в результате и эту возможность поздравить Вас я не использовал.

Приехав домой (к родителям, где живет моя дочь), я увидел тяжелую картину. Накануне моего приезда, т. е. 27, а я приехал 30 декабря, дочь упала с печки и сломала ключицу и вывихнула плечо. Нужно было принять срочные меры. Таким образом, я был всецело поглощен этим вопросом, сделав все возможное по перелому и вывиху. Я дочь увез обратно к бабушке, где она как-то сумела простудиться и заболела плевритом. Вновь нужно было везти в город, лечить, и так вот кручусь. А тут еще экзамены, нужно успеть и там, разделили с женой рабочий день на две смены и вот уже месяц, как я ничего собственно, и не делал, если не считать экзаменов и курса лекций, которые мне приходится вести сейчас. А, как Вам известно, домашняя суета, да еще с больным ребенком, без прислуги или своей бабушки — дело очень серьезное. Но вернусь к ответу.

Большущее спасибо Вам, Мария Андреевна, за фотографии с Федора Филипповича, незабываемого моего учителя. Уже работая

старшим лаборантом в 1938–40-х годах, я под руководством Федора Филипповича провел большую работу по заготовке тотальных препаратов по курсу зоологии беспозвоночных. Фактически трудом Федора Филипповича и моим, а также частично силами сотрудников были приготовлены комплекты тотальных препаратов по 20–30 штук. Фораминифер, солнечников (из материалов Федора Филипповича), губок, гидр: целые гидры, разрезы продольные, поперечные, нематоды, цестоды, присоски ленточных, двуустки печеночные. Материалы добывались нами на скотобойне и в больницах, из птиц и млекопитающих, и все это тщательно консервировалось, а главное Федор Филиппович проверял исполнение и сердился, когда не было что-либо сделано. Для оформления и хранения тотальных препаратов потребовалось заказать шкаф в двадцать ящичков, которые выполнялись под наблюдением Федора Филипповича.

Федор Филиппович был прекрасным руководителем экскурсий. С ним всегда ходило много студентов и только потому, что он прекрасно знал район, знал все водоемы, знал всю флору и фауну их, поэтому он всегда проводил экскурсии живо, уверенно, и не было у него «осечек». На каждый вид фауны у него был определенный объект. Мне не забыть, как я был поражен, когда Федор Филиппович на одной из экскурсий сказал нам, что «в этом болотце водятся личинки тритонов». И когда были найдены «колбасы» икры тритонов, все были в восторге. Случайно такие объекты не находят, это все было заранее подготовлено Федором Филипповичем.

В. Жуйков

**Письмо В. И. Жуйкова М. А. Ларионовой.
11 марта 1953 г.**

Дорогая Мария Андреевна!

Сегодня уже 11 марта, а Ваше письмо от 19.02 я получил 23.02 с. г. и, кажется, не успел оглянуться, как прошло уже две недели. Как быстро летит время. За письмо Вас очень благодарю, Вы единственная, кто отвечает аккуратно на письма.

Домашние, вернее семейные, дела начинают поправляться. Дочь поправляется и полнеет, прибывает в весе, кушает хорошо и много бывает на улице. Дедушка с бабушкой (т. е. мои родители) также поправляются и вместе со своей внучкой радуются теплым дням марта. Жена удачно получила путевку в местный санаторий и сейчас поправляется после операции, которую она перенесла очень тяжело. Я же пока здоров и бегаю немного тише, чем прежде. Кажется, тяжелое время прошло, и наступают спокойные дни для работы.

Глядя на Вас, Мария Андреевна, мне становится стыдно, что я так мало сделал в своей жизни и мало еще делаю и сейчас. Вы и до сих пор даете пример молодым, как надо работать и сколько нужно работать. И это свойство неустанно работать, так характерное Федору Филипповичу, живет в Вас и по сей день. Он ведь так всю жизнь работал, не покладая рук. И, оглядываясь назад, кажется, что дорогой Федор Филиппович работал, играя, и играл, работая. Глядя со стороны, можно было видеть, что он отдыхал в работе и чем больше он делал, тем веселее становился. Выходные дни он использовал так же целенаправленно, как и будни. В выходные дни он отдыхал с неизменным своим дорогим другом жизни, Марией Андреевной, в поле, в лесу, у реки. Причем прогулки совершались не просто так, а опять же с определенной целью. С целью познать окрестности района, чтобы можно было безошибочно провести экскурсию студентов или молодых учителей города, показать им, что рядом с ихней школой есть прекрасные уголки природы, где можно было бы получить или заготовить тот или иной материал. И вот сейчас, переписываясь с Вами, Мария Андреевна, в Вас я вижу образ дорогого мне Федора Филипповича. Вам же скажу только одно. Не перенапрягайте нервную систему, не переутомляйтесь, всей работы, как говорят, не переделать, ее и другим останется и от них останется. Каждый человек в течение своей жизни может выполнить только минимум работы, ибо с развитием общества развивается и объем работ, развиваются и духовные потребности, развиваются и желания человека сделать больше. Вы же, Мария Андреевна, сделали

все, что могла сделать мать для дорогих детей и друг своего супруга. Ваши дети, в которых Вы вместе с Федором Филипповичем воспитали любовь к природе, к труду, к родине, достигли высоких вершин в обществе, их имена известны не только в пределах СССР, но и далеко за пределами наших границ. Это русские люди, способные дерзать и удивлять маловеров своими подвигами в области науки. А Вы, Мария Андреевна, должны сохранить себя, чтобы видеть дальнейший расцвет своих внуков и правнуков.

Если не трудно будет Вам, Мария Андреевна, и если Вам известно, сообщите, провел ли опыты Вячеслав Федорович по инкубационному разведению диких водоплавающих птиц.

Я не понял, Мария Андреевна, по кому Вам приходится правнук Алексей Игоревич? Как я вижу, Ваши дубки (как любил говорить Федор Филиппович) пустили глубокие корни в виде внуков и внучек, правнуков и правнучек, о которых я и понятия не имею. А они уже, оказывается сами дедушки. Поздравляю Вас с правнуком.

У меня к Вам просьба, Мария Андреевна. Я нынче собираюсь съездить в Ленинград и, конечно, хотелось бы побывать и у дорогого Федора Филипповича на могилке, положить бы ему букет живых цветов или веночек от его ученика. Но, имея фотографию могилки, не имею адреса ее. И если Вам не составит труда, напишите, как мне ее отыскать.

Препаратов у меня нет, но есть три негатива, правда они потускнели, но я постараюсь сделать фотографии. Что же касается имеющейся статьи, которую оставил Федор Филиппович, то ее нужно передать Вячеславу Федоровичу, как орнитологу, и он, наверное, сможет ее направить в какой-либо биологический журнал.

Больше не стану задерживать Ваше внимание. Я уже и так Вам, наверное, много написал душе отрадное.

Нынче у нас погода стоит изумительная. 7 марта температура воздуха повысилась до +4 градусов и вот уже 5-й день тает, сегодня тоже ожидается теплая погода, 9–10 градусов тепла. А в связи с этим вновь возникают в памяти годы студенческие, годы, когда незабвенный Федор Филиппович приобщал нас к природе.

Не помню, какого это было числа, в марте или в апреле, мы ходили на экскурсию в Воронино. Об этом я и напишу сейчас.

Федор Филиппович, работая на кафедре естествознания в Тюменском педагогическом институте преподавателем, вел лекции по зоологии беспозвоночных. Нужно сказать, что кабинет зоологии занимал одну комнату. В этой комнате проводили лекции и лабораторные занятия, в ней же было размещено и все скудное «имуущество» зоокабинета, как по зоологии позвоночных, так и по зоологии беспозвоночных. По зоологии позвоночных было кое-какое оборудование в виде наглядных учебных пособий, как-то: чучела птиц, макет рыб, спиртовые препараты; но по зоологии беспозвоночных наглядные пособия представляли небольшое количество таблиц дореволюционного происхождения, чрезвычайно ветхих и не всегда удовлетворяющих своим содержанием, и очень небольшое количество спиртовых препаратов.

Возникла необходимость создать наглядные пособия по зоологии беспозвоночных собственными силами, исходя, как говорят, из местных ресурсов. Эту задачу взял на себя Федор Филиппович. Но собрать живой материал одному не по плечу. Материала для лабораторных работ требуется много. И Федор Филиппович смело обращается к молодому студенчеству с призывом организовать кружок и заняться сбором материала и изготовлением тотальных препаратов.

Он не ошибся. Организовал кружок, в состав которого вошли студенты: Жуйков Б. И., Рупасов, Маслова, Жуйков В. И., Шабурова и ряд др. Кружок был организован зимой, и, казалось бы, живой биологический материал собирать негде. Но Федор Филиппович и здесь нашел выход. Он предложил посетить с/х артель и ознакомиться с условиями содержания скота и попутно собрать эктопаразитов домашних животных: вшей, власоедов и др., какие попадут. С/х артель находилась в дер. Воронино, в 4–5 км от города.

В конце марта 1936 года группа юношей и девушек во главе с Федором Филипповичем направилась через березовые рощи по почерневшей дороге в дер. Воронино. К экскурсии мы готовились почти

две недели. У каждого студента-кружковца была банка с набором маленьких пробирочек на 3–5 см³, наполненных спиртом и закрытых пробочкой (у каждого было 10–15 таких пробирочек и все они делались самими студентами), пинцет, лупа, карандаши, бумага для этикеток и блокнот.

Наше появление около скотного двора было встречено руководителями правления неласково. Председатель с/х артели никак не хотел нас пускать в конюшни. Но Федор Филиппович убедил как-то председателя и тот разрешил-таки «пособирать вшей для научных исследований».

Наконец, мы в стойле. Очень неприглядную картину увидели мы: все коровы были поражены вшами полностью. Вши заедали бедных животных. У лошадей вшей было меньше. У овец вшей мы не нашли, зато власоедов было неограниченное количество. Таким образом, председатель не случайно не пускал нас на скотник. Здесь мы собрали обильные «трофеи».

Председатель колхоза не уходил и все время смотрел на Федора Филипповича, который то хмурился, то возмущался, иногда даже вслух. Затем Федор Филиппович посоветовал председателю достать инсектициды, обещал помочь ему в этом, и сказав, что недели через две мы снова придем, чтобы посмотреть и убедиться, что инсектициды действуют (хотя председатель и говорил, что они уже все применяли и все напрасно), поблагодарил председателя правления, и мы пошли в обратный путь. Дорогой, чтобы «укоротить» путь, Федор Филиппович нам рассказывал, как нужно консервировать материал, когда собирать, а когда будем работать в школе, как подготовить ребят-учеников для экскурсии, и всегда указывал нам, что мы будущие учителя, мы должны много знать и уметь многое делать. Это поможет нам завоевать душу ребенка и тем самым поднять наш авторитет.

После экскурсии наступили самые тяжелые дни и часы. Собранный материал нужно тщательно разобрать, нужное оставить, ненужное выбросить, иначе цель экскурсии не будет достигнута. «Не так трудно сходить и набрать материал и затем принести его,

а самое трудное привести в порядок собранное», — всегда говорил Федор Филиппович.

Материал был собран и обработан. Хорошие экземпляры были отобраны под лупой и помещены в пробирочки со спиртом, в которую вкладывалась этикетка с указанием даты, места сбора, с какого животного и фамилия собравшего. Этот материал в течение нескольких лет использовался на лабораторных работах по определению педикулеза домашних животных, из части власоедов были приготовлены тотальные препараты и залиты в канадский бальзам. Они, наверное, и по сей день находятся в институте.

Сам же Федор Филиппович тщательно определил виды насекомых, описал их, написал статью и послал в печать, но почему-то она не увидела света.

Через месяц примерно мы снова посетили эту с/х артель и увидели, что наше посещение не прошло даром: завшивленность коров была почти уничтожена.

Эта первая экскурсия имела огромное методическое и воспитательное значение для нас, молодых биологов. Она показала нам, что, несмотря на время года, где и как нужно собирать материал, как его обрабатывать, как хранить и для каких целей использовать. Так со многими другими товарищами я начал и в дальнейшем приобщался к природе под руководством Федора Филипповича. Экскурсии, проведенные с ним, не забуду никогда.

В. Жуйков

Письмо М. Д. Прокофьевой М. А. Ларионовой.

15 мая 1952 г.

Здравствуйте, многоуважаемая Мария Андреевна!

Получили от Вас письмо и фотокарточку с могилы Федора Филипповича. Большое спасибо. Очень красиво выглядит, будете навещать летом, вероятно, вокруг много зелени.

Сегодня я показала фотокарточку Серебрянниковой Л. И. (она работает в бухгалтерии института) и Артемьевой Александре Владиславне.

Все они вспоминают Федора Филипповича как прекрасного, отзывчивого, милого человека. Очень довольна, что Вы сумели сделать такой уютный уголок в последнем пристанище всеми уважаемого, всеми любимого Федора Филипповича.

Хороша и надпись «Учитель». Да, это был учитель в настоящем смысле этого слова, благородный, гуманный.

Прокофьева

**Письмо П. С. Прокофьева М. А. Ларионовой.
1 января 1952 г.**

*Поздравляю с Новым годом,
многоуважаемая Мария Андреевна!*

Приношу Вам соболезнование по поводу утраты дорогого Вам и всеми уважаемого Федора Филипповича. Я его представляю таким, каким я видел его в сентябре 1950 г. Внешне он тогда выглядел неплохо. Долго мы с ним беседовали, вспоминали Тюмень, работу в институте, наше приятное соседство в доме. Я очень жалел и жалею сейчас, что не увидел Вас. Вы тогда лежали в больнице. Надеюсь, что Вы выглядите еще хорошо. Я, как и Маруся, представляю Вас энергичным, деятельным и всегда жизнерадостным человеком.

Мы как-то с Марией не можем использовать выходные дни, все нам некогда, и всегда вспоминаем Вас, как Вы в каждый выходной день отправлялись с Ф. Ф. за город. Да, Вы умели культурно работать и отдыхать.

Все студенты Тюменского пединститута, которые учились у Федора Филипповича, с большим и теплым чувством его вспоминают. Вспоминают его уравновешенность и чуткое отношение к людям. Да, жаль, очень жаль дорогого Федора Филипповича.

Но утраты не вернешь, и мы всей нашей семьей желаем Вам, прежде всего, здоровья и многих, многих лет жизни, того же желаем и всей Вашей прекрасной семье.

С большим, большим приветом П. С. Прокофьев

**Воспоминания Н. П. Загорской о Ф. Ф. Ларионове.
9 марта 1948 г.**

Воскресный день. Обычное утро выходного дня. Только что кончился завтрак, и я занята уборкой посуды. Вместе со мною в комнате моя старушка, которая так особенно хлопотлива была в этот день. Раздался звонок, тревожный, резкий и незнакомый. Открываю дверь — и передо мною стоит мужчина, средних лет, в каракулевой шапке и зимнем пальто с каракулевым воротником. Что-то далекое и знакомое мелькнуло в чертах этого человека, точно повеяло далеким прошлым, воспоминаниями прошедшей юности.

И вдруг голос, знакомый мне голос прозвучал в моих ушах: «Таля». Спустя несколько минут я уже точно определила, кто стоит передо мной. Это студент-медик, наш сибиряк — Леля Ларионов. С волнением протягиваю ему руку — много лет прошло с тех пор, как последний раз мы виделись в Ленинграде. Десятки лет разделяли нашу встречу.

Я помню его хорошо в белом халате в лаборатории около клеток с белыми мышами. Мы стоим освещенные бледным светом ленинградского зимнего дня. Я полна надежд на большую свою работу, я так довольна жизнью, мне так хорошо и радостно на душе, а Леля, показывая свои опыты над белыми мышами, с увлечением рассказывает о своей большой работе со всеми подробностями, делится со мною, над чем он так много трудится, чему решил посвятить свою жизнь! Его волнение передается мне, и я тоже думаю, как много можно сделать в области народного просвещения, как приятно сознавать, что твой труд так нужен стране и что ты сможешь принести много пользы. Только надо любить свое дело, только надо делать все это от чистого сердца!

Но что это — в волосах Лели легкая седина, на лбу морщинки. Полнота фигуры — но подвижность все та же! Легкая, спокойная, уверенная походка человека, который уже определился в жизни и уверенно идет к намеченной цели! Подробно спрашиваю о жизни, работе, семье. Узнаю, что Леля — уже Леонид Федорович, имеет звание профессора, продолжает свою научную работу в Онкологии

ческом институте по раковым опухолям. Имеет научные труды, которые предполагает отдать в печать для широкого ознакомления с результатом своей работы. За плечами уже опыт клиники, уже лечит своим лекарством, уже своим трудом помогает бороться с этим страшным бичом жизни — раком.

Много опыта, много исканий, много трудностей было на пути, но Леонид Федорович не отступил, уверенно и смело шел к намеченной цели — благородной и почетной задаче помочь человечеству избавиться от тяжелого заболевания — рака.

Из его рассказа о личной жизни я узнаю, что он женат, имеет детей — дочь Галину и сына Вячеслава. Вместе с ним живут его родители — Федор Филиппович и Мария Андреевна.

Итак, мне предстояла встреча с моим бывшим учителем, с человеком, которого я уважала, и который до сих пор оставил у меня глубокое впечатление. Как-то мы встретимся, узнаем ли друг друга, помнит ли он обо мне — теперь я стала совсем другая, той Наташи — блондинки с русой косой, стройной и веселой, уже нет. Большая трудная жизнь наложила свой отпечаток и на меня.

Вскоре состоялась эта трогательная встреча с Ф. Ф. На первый взгляд, мне показалось, что он все тот же учитель уроков естествознания — строгий, требовательный, но знающий и любящий свое дело. Даже манера говорить медленно, с расстановкой, обдумывая каждое слово, фразу, осталась прежней. Если бы он мог ходить, то я уверена, что прошел бы он своей медленной походкой, свойственной ему одному, держа впереди одно плечо. Но к великому сожалению, с громадной быстротой он терял зрение и способность двигаться. Только руки его были мягкие, нежные, сильные и быстрые в движении.

Федор Филиппович чаще всего сидел в большом удобном кресле, склонив низко уже седую голову, и разумно и внятно беседовал со мною. Я любила эти тихие часы наших задумчивых бесед. Мы вспоминали Сибирь — нашу далекую любимую родину.

Говорили о техникуме, студенчестве, вспоминали учителей и нашу трудовую полную энергии и стремлений к свету жизнь.

*«Мне вспомнились лица товарищей милых,
Куда вы девались, друзья?
Иные далеко, а те уж в могилах —
Рассеялась наша семья...»*

В такие минуты снова, как и прежде, Федор Филиппович говорил уверенно, осмысленно, интересно и поучительно. Увлекался воспоминаниями. Его слова, полные знаний, легко укладывались в нашем сознании. Наблюдая окружающую жизнь, он изучал ее и познавал, делал полезные выводы.

Я помню, как интересно были построены его уроки, основанные на опытах и наблюдениях. Лекции Федор Филиппович любил читать в лаборатории, а не в классе. Это говорило за то, что он любил пользоваться наглядными пособиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПУБЛИКАЦИЙ О Ф. Ф. ЛАРИОНОВЕ

1. Один из лучших. Исполнилось 40 лет научно-педагогической деятельности Ф. Ф. Ларионова // Красное знамя (Тюмень). 1936. 16 сент.
2. Ларионов Ф. Семейная хроника. Материалы к истории культуры Западной Сибири. Шадринск: Исеть, 1993. 63 с.
3. К 120-летию Ф. Ф. Ларионова // Югра. 1996. № 2.
4. Белобородов В. К. Вновь обретенный учитель // Подорожник: краеведческий сборник. Ханты-Мансийск, 2002. Вып. 2. С. 35–57.
5. Кубочкина В. Н. «И может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» Сибирская земля рождать... // Сибирский исторический журнал 2006/07. Тюмень, 2006. С. 67–76.
6. Ларионова М. А. Девочка Маша: [воспоминания] // Подорожник: краеведческий альманах. Екатеринбург: ООО «Баско», 2007. Вып. 7. С. 85–107.
7. Белобородов В. К. По следу «Семейной хроники»: [к 80-летию со дня рождения А. К. Михайленко] // Подорожник: краеведческий альманах. Тюмень: Мандр и К, 2012. Вып. 13. С. 228–240.